

Почему на бензоколонках никогда не продают цветов, подумал Он. Ясное дело, откликнулось изнутри... Цветы, как ты мог заметить, украшают иногда фонарные столбы вдоль дороги... Продавать цветы на бензоколонке — издевательство над тобой, остановившемся здесь на пять минут в погоне за собственным «лобовым на трассе». К тому же, где ты видел, чтобы в цветочных магазинах приторговывали бензином?... То-то же.

Бензоколонка на ночном Аминьевском шоссе (одно название чего стоит!) была безлюдна, современна и чиста. Белая крыша и несколько квадратных колонн делали ее похожей на маленький храм, эдакий пантеончик для заезжего Бога. Стены колонки были изваяны дождем и тьмой, они казались вечными.

Каждый раз, заезжая на колонку, он вспоминал одно и то же. Это был какой-то кадр из фильма, очень старого, смотренного-пересмотренного мальчишкой в провинциальном советском кинотеатре. Там, в кадре, была такая же колонка, и тоже шел дождь, и главный герой красиво мок под ним, опершись на капот своего гоночного (или не гоночного) зверя. И тоже была ночь, и квадратный половичок света гостеприимно вмещал в себя целый мир, оставив за стеной ночного дождя все вражеское, чужое, злобное. Тогда весь этот кадр казался кусочком сказки — нарядные колонки, неоновый «Shell» на козырьке, небывалая вежливость мальчишки заправщика. Аккуратность кассовых окошек. И, конечно, Она, стоящая у соседней колонки в ожидании своей очереди, красивая, одинокая, ожидающая чуда... Она, похожая то ли на Анук Эме, то ли на Стефанию Сандрелли, невыносимо прекрасная в этом кусочке одиночества, нарисованном кривой кистью ночного фонаря.

Ночь. Трасса. Дождь. Фонарь. Бензоколонка...

Он шепотом выматерился и вылез из машины. Угловато протопал к кассе и буркнул темному силуэту за окошком: «Пятьдесят в девятую...» Мальчик уже отвинчивал крышку бензобака, рука силуэта выбросила в лоток сдачу. Он взял деньги и пошел обратно...

Дождь колотил по крыше, будто одинокий, продрогший до белья, путник. За пределами колонки лежала мокрая Москва, с волчьими глазами своих окошек. Их стая молчаливо держалась поотдаль, от этого опасного места с огненной водой.

Он сел в машину. Сделал погромче музыку. В правое зеркало заднего вида он видел мальчишку, который трахал его бэби в бензобак, засунув туда толстую железную елду. Бэби отзывалась журчанием в сокровенных местах и, похоже, была довольна.

Сам Он был нежен. Смешно, недопустимо нежен со своими женщинами. С тех пор, как одна из них сказала ему эти страшные слова: «Ты трахаешься, как баба...», Он пережил немало неприятных минут, пытаясь исправиться. Он научился быть грубым, жестоким любовником. Он научился бить своих подружек и с брезгливым удивлением понял, что им это нравится. Он прошел школу унижений и злобы, чтобы не отстать от собутыльников. Это было частью ритуала, Он принял ее покорно, понимая, что иначе просто не пройдет дальше. Но здесь, на бензоколонках, оставшись один после тяжелого дня, он позволял себе расслабиться. Одним взмахом руки отсекалось все грязное, наносное, и на узкой полосе отлива среди раковин, в которых поет море, оставалась стоять Она — единственная, похожая то ли на Анук Эме...

Он знал про Нее все. Они вместе прошагали странный путь от комсомольских вожаков — к голосующим на трассе хипарям, от хипарей — к остановившимся на перепутье молодым

гиенам новой жизни, от перекутья — к разным дорогам выживания и спасения. Он знал, что Она тащится от Моррисона, хотя всю молодость плясала под «Бони-М» и итальянцев. Он знал, что Она никогда не будет матерью для своих детей, а будет им подружкой и третьим (четвертым, пятым) ребенком в семье. Он знал, что она будет умолять его купить микроволновку, но готовить будет только на бабкиной чугунной сковороде, матерясь на старую газовую плиту. Он знал, что для Нее любовь — это поцелуй, и именно поэтому Она прослыла форменной шваброй в свое время, не говоря уж о нынешнем. Он чувствовал приближение Ее большой и настоящей нежности, как положивший ухо на рельсы пацан слышит электричку вульгарис, задолго до того, как скучное щелканье рельсов возвестит всему миру о ее появлении... Он любил и ждал Ее по сей день, хоть и успел обзавестись броней на все случаи жизни...

Фея Бензоколонки — это странная бомжеватая старуха, которой не видно невооруженным глазом. Но она существует, и попробуйте оспорить этот факт. Если ждать свою Судьбу по-настоящему долго, она обернет к Вам свое сухое морщинистое лицо и вознаградит за терпение...

Когда мальчик вынул чеку из плоти Бэби-Гранаты и собирался уже закрывать крышку бензобака, произошло чудо. Или не произошло. Кто их знает, эти чудеса?..

Из дождя, по-собачьи отряхиваясь, в квадратный-рингу-подобный мир въехал Тот Самый Персонаж... На красивой, похожей на игрушку, машине, Она пересекла черту оседлости Мечт и встала в двадцати сантиметрах от Своего Счастья. К этому самому Счастью, ей тоже нужен был девяносто пятый, и Ей поневоле пришлось образовать очередь к единственному роднику для иномарок, открытому в столь позднее время...

Он улыбнулся, покряхтел стартером и вышел из машины. Новое время научило его решительности, на раздумья не было времени. Зазвучала музыка Нино Рота, мизансцена тронулась в путь, как товарняк, скрипя на поворотах и властно помахивая путевым листом. В далеких семидесятых мальчишка залез рукой в штаны, то ли собираясь найти там семечку, то ли решившись покачнуть весь ряд привинченных друг к дружке кресел своим нахальным утолением голода. Отступить опять было некуда. Он к этому привык, и каждый раз отступал с удивлением по поводу того, что мир остался стоять, где стоял...

Она вышла из своей игрушки и подошла к нему, улыбаясь. Она была похожа на Стефанию Сандрелли, и музыка Нино Рота только набирала обороты. Еще не вступили кларнеты, но скрипки уже подготовили трясину, оставляя шагающему немного шансов...

— Вы поломались? — спросила Она.

— Увы, — ответил Он, и каждая поломанная косточка его души откликнулась на этот вопрос своим скрипом.

— Жаль... Я могу чем-нибудь помочь?...

Напомним, что дождь не прекратился. Его стены были на месте, и маленький Пантеон, тесный для двух Богов, грозил подняться на воздух со всем своим содержимым. Мальчишка попытался было дотянуться шлангом до Ее машины, но у него ничего не вышло. Пожав плечами, он вернулся в теплый закуток, предоставив событиям идти своим чередом.

И события пошли своим чередом...

... Она действительно любила Моррисона, хотя всегда танцевала под «Бони-М». Однако скандальный постоялец «Пер-Лашез» и ныне не давал покоя ее бедному сердечку с бьющейся

в нем птицей. Она любила детей, но относилась к ним с панибратской сердечностью, не допуская даже мысли о материнской строгости. Ей были понятны их страсти, и она запиралась с детьми в ближайшем чулане, чтобы шепотом проклясть взрослый мир с его слепотой и бессердечностью. Если Ей доводилось готовить, она доставала бабкину сковороду и жарила на ней вкуснейшее в мире мясо. И еще. Она не любила секс. Вернее сказать, она не любила грубость в любви, и находила в себе силы отталкивать каждого ухажера, переступающего через невидимую черту... Видите ли, ей очень нравилось целоваться... И еще. Она никогда не видела фильмов про ночные бензоколонки, но ей очень нравились стены из дождя, и она инстинктивно потянулась к первым попавшимся, чтобы не чувствовать себя совершенно одинокой и никому не нужной... Надо ли говорить, что она, бывшая девчонка-автостопщица, а ныне госпожа кассирша, была как две капли воды похожа на Анук Эме... Хотя гости бензоколонки видели только ее силуэт, освещенный по контуру черно-белым кассовым монитором.

Ей понравился этот стареющий мальчик, стоящий над поднятым капотом своего «Мерса». Он был отсюда, из этого одиночества, из этой ночной дождливой бензоколонки, заправляющей людей и их машины чем-то, что позволит им двигаться дальше...

— Еб твою мать! — сказала фея бензоколонки, присаживаясь рядом с Ее Темным Силуэтом: — И вот так — всю жизнь!

Потом оглянулась и добавила:

— Не видать тебя совсем, дочка. Колдуй, не колдуй, а лампочку пора менять.

Она рассмеялась, звонко, как умеют смеяться только дети. И налила фее крепкого кофе.

А мальчик захлопнул капот своей бэби и отправился с новой куклой в дождь. Который еще никого и не от чего не отмывал.

— Зис из зе энд... — пропел Джим.

— Посмотрим, — ответила Она.

Фея поперхнулась кофе и растаяла в бензиновых парах. Она осталась одна. Если не считать дождя, конечно. © Mr. Kiss, Сто осколков одного чувства, 1998—1999гг